

СТАТЬИ

А. В. Банников, Г. А. Шмидт

MILES ET SCRIPTOR RERUM: ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ СВЕДЕНИЙ ПО ВОЕННОЙ ИСТОРИИ У АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА

Бесспорно, что наиболее подробная информация заключена в современных описываемой эпохе нарративных источниках. Однако в отношении них не существует единой общепризнанной оценки. Т. Моммзен, например, весьма скептически относится к сочинениям античных авторов и больше полагается на эпиграфические свидетельства, а также на данные такого документа, как *Notitia Dignitatum*. Многие современные исследователи, напротив ставят на первое место именно литературные тексты, объясняя это тем, что хотя данный вид источников в той или иной степени субъективен по своей сути, он имеет два преимущества перед другими: во-первых, литературные источники достаточно многочисленны, а во-вторых, они просты для понимания. При этом сочинения позднеантичных авторов зачастую более точны, чем труды писателей периода Ранней империи¹. Это в особенной степени касается произведений IV в., времени, когда военная и гражданская карьеры оказались разделенными, и социальная элита общества была в массе своей не знакома с военным делом, а потому историки должны были давать пространные объяснения всему, что хоть как-то затрагивало эту область².

Несомненно, что наиболее важный из литературных источников по поздне-римской армии и военной организации второй половины IV в. – *Res gestae* Аммиана Марцеллина. Его значение невозможно переоценить. Римская историография IV в. фактически замыкалась на малых жанрах: бревиариях, и эпитамах, представлявших собой собрания выдержек из сочинений предшественников³. На подобном фоне труд Аммиана Марцеллина выглядит чем-то из ряда вон выходящим.

Основные сведения о личности Аммиана, которыми мы располагаем, сохранились в тексте «Истории» самим автором. Завершая свое сочинение Аммиан сообщает, что является «солдатом и греком» (Amm., XXXI, 16, 9)⁴. Отдельные замечания, сделанные Аммианом по ходу изложения, действительно позволяют утверждать, что будущий историк достаточно долгое время служил в армии, и, следовательно, практически, а не понаслышке, был знаком с различными сторонами военного дела.

Аммиан родился около 333 г. Эту дату можно определить лишь приблизительно, основываясь на том факте, что в 353 г., когда магистр Урзицин был отозван в Медиолан, Аммиан был одним из самых молодых офицеров, находившихся в его свите (Amm., XVI, 10, 21)⁵, следовательно ему едва ли было намного больше 20 лет. Место рождения Аммиана точно неизвестно. Наиболее убедительной представляется точка зрения, согласно которой он происходил из Антиохии-на-Оронте⁶.

Некоторые обстоятельства указывают на то, что Аммиан происходил из знатной семьи. Сам он называет себя «человеком благородного звания» (Amm., XIX, 8, 6)⁷. Еще один аргумент в пользу данной гипотезы – служба Аммиана в корпусе протекторов-доместиков (Amm., XV, 5, 22)⁸. Причем Аммиан состоял в этом элитном воинском подразделении с самого юного возраста, что было возможно только для тех, чьи отцы добились высоких постов на военной или гражданской службе⁹. Хорошее знание латинского языка – факт весьма необычный для восточного грека, предпочтение военной карьеры гражданской и служба доместиком заставляют видеть в отце будущего историка военного, вероятно, офицера высокого ранга. Существует даже гипотеза, что Аммиан был сыном комита Востока (*comes Orientis*) по имени Марцеллин, которому адресовано несколько законов Кодекса Феодосия¹⁰.

Аммиан вступил в корпус *protectores domestici* около 350 г. (Amm., XIV, 9, 1; XI, 5, 22; XVI, 10, 21) и был прикомандирован к штабу магистра конницы Урзицина. В 356/7 гг., когда армия под командованием Юлиана вела боевые действия против аламаннов, Урзицин находился в Галлии (Amm., XVI, 2, 8). Несомненно, что Аммиан по-прежнему оставался при нем, что заставляет воспринимать его рассказ об этих событиях как слова очевидца. В 357 г. в свите Урзицина будущий историк следует на Восток, где принимает самое деятельное участие в войне против персов (Amm., XVI, 10, 21; XVIII, 8, 11). В 363 г. Аммиан находится в составе армии Юлиана, отправившейся вглубь персидских владений (Amm., XXIV, 1, 5). После гибели императора Аммиан, очевидно, оставляет военную службу. В 80-е годы он переезжает в Рим, где приступает к написанию своей «Истории». Согласно установившемуся мнению, она была создана в период между 383 и 397 годами по ранее составленным историком заметкам¹¹. Возможно, Аммиан заканчивает работу над книгой около 390 г. В доказательство данного предположения приводится тот факт, что описывая александрийский Серапиум, он ничего не говорит о его разрушении в 391 г.¹²

В зарубежной научной литературе уже давно была высказана идея, что Аммиан задумал *Res Gestae*, как непосредственное продолжение исторических трудов Тацита. В отечественной науке эта гипотеза была принята на веру и, как кажется, никогда не подвергалась переосмыслению¹³.

В действительности вопрос о том, был ли Аммиан продолжателем Тацита, не имеет однозначного ответа. Гипотеза, согласно которой он ставил своей целью написать продолжение истории Тацита, была впервые выдвинута немецкими учеными второй половины XIX в.¹⁴, которые, исследуя текст *Res Gestae*, пришли к выводу, что в нем содержится множество прямых заимствований из сочинений Тацита¹⁵. Полный список параллелизмов текстов двух авторов был

составлен Г. Б. А. Флетчером¹⁶; всего в нем насчитывается 32 позиции, т. е. больше, чем число остальных выявленных заимствований из всех прочих авторов вместе взятых. Это, по мнению ученого, позволяет утверждать, что Аммиан сознательно подражал своему великому предшественнику. Еще одним аргументом в пользу этого предположения считается упоминание самого Аммиана о том, что он начал «Историю» с правления императора Нервы, т. е. с того самого места, где закончил свои сочинения Тацит.

В доказательство теории, связывающей Аммиана с Тацитом, часто приводят сходство мировоззрений двух историков: каждый из них обличал пороки своего времени и видел идеал в давно прошедших временах. При этом отмечается сходство композиций их трудов, построенных по хронологическому принципу.

Тем не менее, Л. Э. Уилшир считает, что веских оснований видеть в Аммиане продолжателя Тацита у нас нет. Филологические доказательства неубедительны, так как полный список тацитизмов у Аммиана не так уже велик, если принимать во внимание общий объем исторических трудов Тацита и *Res Gestae*. К тому же многие из этих параллелизмов можно списать на логику латинского языка, которая, несмотря на произошедшие в нем колоссальные изменения, и в IV столетии оставалась той же, что в период «серебряного века»¹⁷.

То обстоятельство, что Аммиан начал свое повествование с правления императора Нервы, Л. Э. Уилшир не считает весомым аргументом в пользу теории «продолжательства». Во-первых, Аммиан ни разу не упоминает ни самого Тацита, ни своего намерения продолжить его труд. Во-вторых, известно, что историк-биограф III в. Марий Максим начал серию своих биографий также с Нервы, однако в этом случае разница в жанрах исключает возможность говорить о нем как о продолжателе Тацита.

Согласно утверждению Аврелия Виктора, правление императора Нервы было последним с своем роде. После него у власти были не уроженцы Рима и Италии, а выходцы из провинций (Aurel. Vict., De Caes., 11, 12–13). Поэтому вполне вероятно, что, принимаясь за свое сочинение, Аммиан выбрал отправной точкой царствование императора Нервы вовсе не потому, что на этом событии остановился Тацит, а по той причине, что с этим императором заканчивалась вполне определенная эпоха римской истории.

Представление о сходстве идеологических взглядов двух историков, по мнению Л. Э. Уилшира, более, чем поверхностно¹⁸. Конечно же, как отмечалось выше, для обоих авторов идеал общественного устройства лежит в далеком прошлом. Но здесь-то и кроются различия. Для Тацита идеальная эпоха – времена сенатского правления, Аммиан тоже, кажется, стоит на просенатских позициях¹⁹. Однако, в отличие от Тацита, он видит корень всех зол отнюдь не в отстранении сената от власти, установлении монархического правления и окончательном низвержении республиканских идеалов. По его мнению, все современное ему общество находится в состоянии глубокого кризиса. Подтверждая эту мысль, Аммиан вводит в свой текст колоритные пассажи, в которых обличает пороки современников, начиная от императора и его приближенных, и заканчивая алчущей «хлеба и зрелищ» чернью. Вместо того, чтобы крепить величие и славу Рима, как это делали их предки, современники историка заботятся

о дешевой популярности, хвастаются красотой одежд, проводя дни в праздности; простолудины паразитируют, ученые и грамматики забыты, и предпочтение повсеместно отдается мимическим актрисам и возницам, сменяющим друг друга с невероятной быстротой (Amm., XIV, 6); знать, погрязла в разврате, высокомерии, безделье и чванстве (Amm., XXVIII, 6–27). Аммиан, в конечном итоге, осуждает конкретных правителей империи, а отнюдь не сам институт монархии. Более того, спасение положения он видит именно в сильном, опирающемся на армию и законы императоре²⁰.

Говорить о композиционном сходстве трудов Тацита и Аммиана можно, опять-таки, с большими оговорками. На первый взгляд, Аммиан, подобно Тациту следует хронологическому принципу изложения²¹. Однако у Аммиана явно проступает стремление к биографическому методу изложения, поэтому гораздо более логично было бы сравнить *Res Gestae* с сочинением Светония или «Писателями истории Августов»²².

В целом, аргументация Л. Э. Уилшира выглядит вполне убедительной. Анализ текста *Res Gestae* действительно показывает, что Аммиан очень часто прибегал к прямым заимствованиям из сочинений классических римских историков, в том числе и Тацита²³. Однако употребление одних и тех же языковых клише еще ни о чем не говорит. Не будем забывать, что Аммиан писал на неродном языке, и нет ничего странного в том, что он использовал при этом целые выражения из латинских исторических трудов, оставаясь при этом самобытным и оригинальным автором.

«История» состояла первоначально из 31 книги; до наших дней сохранились лишь последние 18 (с XIV по XXXI). В них подробно описаны события того самого периода, который был для Аммиана современностью; этот временной отрезок охватывает всего 25 лет (353–378 гг.). Вместе с тем, в первых 13 книгах излагалась история империи с 96 г. до 352 г. Таким образом, первая, не сохранившаяся часть *Res Gestae*, должна была очень сильно отличаться по манере изложения материала от второй, и походила на один из тех бревиариев, столь популярных в IV столетии, более, нежели чем на труды Тацита.

По всей видимости, Аммиан видел свою основную задачу не в том, чтобы продолжить дело Тацита, а скорее в том, чтобы написать о своем времени и о своих современниках, тех людей, кого он знал и с кем был возможно тесно знаком так же хорошо, как это сделал Тацит о своих современниках. События двух с половиной веков были для Аммиана лишь преамбулой к основному содержанию его сочинения. Таким образом, у нас нет оснований видеть в Аммиане ни продолжателя Тацита, ни его подражателя. В самих этих словах есть некий пейоративный оттенок, свидетельствующий об отсутствии оригинального начала. Вряд ли можно адресовать подобный упрек Аммиану. Вместе с тем, нельзя не признать, что он много почерпнул из наследия Тацита, вероятно намного больше, чем полагает Л. Э. Уилшир. Не исключено, что на написание исторического труда Аммиана подвиг именно пример Тацита, который, выставя напоказ недуги своего времени, стремился заставить современников задуматься о происходящем. Поэтому было бы уместнее назвать Аммиана не столько продолжателем, сколько Тацитом своей эпохи.

Некоторые исследователи полагают, что сохранившаяся до нашего времени часть «Истории» была написана Аммианом главным образом на основании его личных впечатлений²⁴, и этот факт будто бы весьма негативно отразился на достоверности сообщаемой им информации²⁵.

Подобная точка зрения не выдерживает критики. Не возникает никакого сомнения в том, что Аммиан, полагался не только на собственные воспоминания и заметки о событиях, участником которых ему довелось быть. Многие были записаны им со слов других очевидцев (Amm., XV, 1, 1; 9, 6; XXII, 8, 1)²⁶. Кроме того, историк широко привлекал разнообразные литературные источники (Amm., XVI, 7, 8)²⁷. Так, например, уже Г. Дельбрюк считал, что рассказ Аммиана о битве при Аргенторате основан на собственных мемуарах Юлиана²⁸.

Долгое время находясь при штабе офицеров, Аммиан, несомненно, по долгу службы имел доступ к самым различным документам, стекавшимся в ставку Урзичина²⁹. Отсюда те уникальные сведения, которые он, например, сообщает о секретном письме нотариуса Прокопия, отправленного в Персию, для заключения мирного договора (Amm., XVII, 14, 3; XVIII, 6, 17). Оно было составлено тайнописью на куске пергамента, который был спрятан в ножнах меча, а затем передано в город-крепость Амиду, где находился Урзичин. Аммиан не только сообщает о самом факте получения письма, но и приводит его дословное содержание (Amm., XVIII, 6, 18; 19).

В тексте *Res Gestae* неоднократно встречаются ссылки на источники официального характера (Amm., XVI, 7, 8; XXVIII, 1, 15)³⁰. Поэтому не исключено, что Аммиан имел возможность использовать и различные документы из императорских архивов (*tabularii principis publicii*).

Некоторые исследователи допускают, что Аммиан мог пользоваться заметками современников, так и не ставшими полноценными историческими сочинениями. Одним из таких источников мог быть так называемый *меморандум* личного врача Юлиана Оривазия, составленный им в помощь молодому историку Евнапию³¹. К такому выводу подводит сравнение описания персидского похода у Аммиана, во фрагментах «Истории» Евнапия и в труде Зосима³². Во всех трех источниках сообщается об одних и тех же фактах, для более детального рассказа избраны одни и те же события.

Считается установленным, что при написании своей «Новой истории» Зосим использовал труд Евнапия³³. Однако остается до конца не выясненным вопрос, как связаны друг с другом произведения Аммиана и Евнапия. Возможны два варианта:

- 1) один из этих историков воспользовался трудом другого;
- 2) оба они воспользовались одним и тем же источником;

В пользу того, что Евнапий прибег к заимствованиям из текста Аммиана говорит, прежде всего, тот факт, что он был младшим современником Аммиана, а, следовательно, существует большая доля вероятности, что он мог читать *Res Gestae*. Против этой гипотезы можно выдвинуть два аргумента: во-первых, сам Евнапий называет основным источником своих сведений о Юлиане *меморандум*, составленный для него Оривазием; во-вторых, в сохранившихся до нас фрагментах, рассказ Евнапия более подробен, нежели у Аммиана³⁴.

Теория о прямом заимствовании Аммианом из сочинения Евнапия также не находит достаточно веских подтверждений в тексте, поэтому И. Г. В. Г. Либшютц полагает, что наиболее вероятным является то, что и Аммиан, и Евнапий воспользовались одним и тем же документом, а, именно, *меморандумом* Оривания, упомянутым Евнапием³⁵.

За время, прошедшее с момента первого издания *Res gestae*, сочинение Аммиана было досконально изучено и прокомментировано. Казалось бы, сведения, которые использовал Аммиан, были им тщательно подобраны и проверены, поэтому на них вполне можно положиться. Однако спор о том, следует ли безоговорочно доверять Аммиану, не утихает до сих пор.

В зарубежной, прежде всего немецкой, научной литературе отношение к труду Аммиана долгое время было недоверчивым и скептическим. Уже А. Мюллер, давая оценку *Res gestae*, как источнику по военной истории IV в., заявил, что «добыча, которую можно получить от Аммиана, не столь уж велика, как это можно было бы ожидать от солдата»³⁶. В последние три десятилетия достоверность информации Аммиана вновь была поставлена под сомнение, и, в особенности, его компетентность в военном деле и его намерение показать армию такой, какой она была на самом деле³⁷. Сторонники этого направления полагают, что в рассказах о сражениях при Аргенторате или Адрианополе, а также осаде Амиды нет исторической реальности, и в основе их лежат описания, извлеченные из Гомера или Вергилия³⁸. Сам Аммиан будто бы был дилетантом, знакомство которого с военным делом было поверхностными и кратковременным, поэтому он умышленно избегает деталей и технических терминов, а в тех случаях, когда пытается дать своему читателю какие-то развернутые объяснения, делает это путано и неясно. Наглядным примером тому могут служить описания метательных и осадных машин, которые охотно приводит Аммиан³⁹.

Такая, на первый взгляд труднообъяснимая, особенность труда профессионального военного заставляет историков отказывать Аммиану в доверии даже тогда, когда приводимая им информация не только не противоречит нашим знаниям, но и подтверждается другими источниками. Так, например, многочисленные римские, византийские, армянские и арабские источники сообщают об использовании персами в сасанидскую эпоху боевых слонов. Однако Ф. Рейнс полагает, что все рассказы о персидских слонах, встречающиеся в *Res gestae*, порождены всего лишь желанием Аммиана создать в глазах своего читателя героический образ римской армии⁴⁰. «...Цель Аммиана, — утверждает он, — состоит в акцентировании или даже преувеличении громадного мужества римской армии перед лицом отчаяния и гнетущих трудностей...»⁴¹. Чтобы создать драматический эффект Аммиан будто бы умышленно сгущает краски, прибегая к устоявшимся литературным клише. «Сюжет страха перед слонами был одним из тех, к которым Аммиан (XIX, 2, 3) часто возвращался, и его фраза “ut retullimus saepe” (“как часто мы указывали”) здесь, видимо, намекает на то, что он уже разработал этот сюжет ранее, но в утерянной книге. Хотя прямое свидетельство Аммиана не может быть подвергнуто сомнению, его интерес к слонам также ясно отражает его риторические и стилистические особенности»⁴².

По мысли Ф. Рейнса подлинная роль слонов в сасанидских армиях была совершенно не такой, какой она представлена в *Res gestae*: «На поле боя никогда не выходило большое количество “боевых слонов”, в противоположность многочисленным гужевым животным обоза. Более того, их появление в битвах нерегулярно и наиболее заметно во время больших военных приготовлений в Сасанидской империи, таких, как вторжение Юлиана в 363 г...»⁴³.

Аммиана упрекают в неясности, а порой даже противоречивости в отношении военной терминологии. В своем сочинении он постоянно упоминает о *легионах, нумерах, когортах, центуриях, манипулах, турмах и ауксилиях*. Однако, при внимательном рассмотрении, выясняется, что очень часто он не делает различий между этими терминами и использует их совершенно произвольно. Аммиан, например, не видит особой беды в том, чтобы называть легионами подразделения, которые в *Notitia Dignitatum* не имеют этого статуса. Так, он упорно называет легионами Иовиев и Викторов (Amm., XXV, 6, 3; XXVI, 7, 13; XXVII, 8, 7), упоминает даже об их орлах, являвшихся штандартами исключительно легионов (Amm., XXVI, 7, 17); тем не менее *Notitia* идентифицирует эти подразделения как *auxilia palatina*⁴⁴. *Preventores* у Аммиана тоже легион, а по данным *Notitia*, данное подразделение имело статус *milites* (ND, Ос., XL, 19). Более того, однажды Аммиан называет легионом даже кавалерийский отряд: рассказывая о победе в 374 г. армянского царя Папа, он сообщает, что римляне тут же бросили в погоню за беглецами «легион», который быстро настиг армянских всадников (Amm., XXX, 1, 7).

Numerus у Аммиана – это любое воинское подразделение (Amm., XXVI, 5, 3; XXVII, 10, 6)⁴⁵, будь то легион (Amm., XXIX, 3, 7), ауксилия (Amm., XXIV, 4, 23; XXV, 10, 9; XXVII, 8, 7)⁴⁶ или даже кавалерийская турма (Amm., XXV, 1, 7)⁴⁷. Столь же широкий смысл он вкладывает и в другие традиционные для римской армии обозначения воинских отрядов. При этом использование им терминов *manipulus*, *centuria* или *cohors*, по-видимому, является, главным образом, данью традиции.

Термин *turma* Аммиан применяет обычно по отношению к кавалерийским отрядам независимо от их типа и вооружения (Amm., XVI, 12, 7; XVIII, 6, 16; 9, 4). Это могут быть как эскадроны римской конницы, так и конницы германцев (Amm., XV, 4, 9) или персов (Amm., XXIII, 3, 4; XXV, 1, 4). Кроме того, как это ни парадоксально, Аммиан однажды позволяет себе называть турмами и пехотные части (Amm., XXVI, 7, 9)⁴⁸.

Пожалуй, единственные обозначения, в которые историк вкладывает более-менее определенный смысл, это *auxilia* и *milites auxilarii*. Из замечаний, содержащихся в *Res Gestae* мы можем заключить, что ауксилиарии отличались от остальных солдат римской армии: они были менее дисциплинированы и с презрением относились к различного рода фортификационным работам (Amm., XVIII, 2, 6)⁴⁹. Таким образом, для Аммиана ауксии – это подразделения, укомплектованные солдатами, стоящими в культурном плане на более низкой ступени развития, чем солдаты других подразделений армии. Прежде всего, речь идет о германцах. В любом случае, дикость нравов (*barbara feritas*) (Amm., XX, 4, 6) и тех, и других позволяет Аммиану называть их варварами.

Каким же образом можно объяснить все эти особенности «Истории» Аммиана, кажущиеся многим специалистом подозрительными? Был ли Аммиан человеком, хорошо знавшим военную среду и предмет, о котором писал, или же его знакомство с армией было поверхностным и краткосрочным?

По мнению многих исследователей, Аммиан несомненно был военным, а неточности и ошибки, встречающиеся в тексте его труда, есть всего лишь отражение специфики его деятельности. Выше уже отмечалось, что, согласно одному из указаний самого историка, он входил в состав корпуса протекторов-доместиков. В современной историографии нет единой точки зрения относительно того, каковы были обязанности офицеров, носивших это звание.

Доместики⁵⁰ исполняли роль штабных офицеров при высокопоставленных военачальниках (Amm., XV, 5, 22) или при командирах отдельных воинских подразделений. По прошествии нескольких лет службы доместики, как и протекторы, могли стать командирами воинских частей: например, вышеупомянутый Флавий Меморий был назначен префектом легиона *Lanciarum seniores* (ILS, 2788). Однако основная часть доместиков, вероятно, несла службу при дворце императора, или состояла в штабах при высокопоставленных офицерах.

Н. Остин видит наглядное доказательство штабной деятельности автора *Res Gestae* в подробном описании наступательной операции, спланированной Юлианом против персов (Amm., XXIII, 3, 4). По мнению исследователя, сделать его мог только человек, хорошо понимавший суть проводимого маневра и обладавший информацией, которая позволила бы ему составить представление об общем ходе кампании⁵¹. Полевому офицеру было гораздо сложнее даже приблизительно изложить ход кампании, так как он был бы озабочен другими, более частными, проблемами.

Согласно Н. Остину, деятельность Аммиана в звании доместика не ограничивалась участием в планировании военных операций, но включала в себя также проведение различных миссий шпионского характера⁵². В качестве доказательства он приводит рассказ о поездке Аммиана в контролируемую персами Кордуэну (359 г.), где будущему историку предстояло выяснить масштабы подготавливаемого Шапуром II вторжения на территорию империи (Amm., XVIII, 6, 20–23). Н. Остин отмечает, что в данном случае Аммиан исполнял роль секретного агента, ответственного за сбор информации, необходимой для подготовки обороны⁵³. По нашему мнению, этот пример не может однозначно указывать на какие-то особые функции Аммиана, поскольку ему предстояло всего лишь войти в контакт с сатрапом Иовинианом, тайно сочувствовавшим римлянам. Нет ничего удивительного в том, что для выполнения этой задачи был отправлен свитский офицер высокого ранга. Для сбора секретной информации на территории противника на службе у государства существовали специальные шпионы, которых сам Аммиан называет *emissarii* (Amm., XVI, 9, 3), или *speculatores* (Amm., XXVI, 6, 5). Вряд ли можно согласиться с Н. Остином, полагающим, что, когда в Галлии вспыхнул мятеж Сильвана, Аммиан был отправлен туда в свите магистра Урзицина (Amm., XV, 5, 21), исполняя функции «секретного агента»⁵⁴. Это утверждение не имеет веских оснований: Аммиан сам говорит, что он был оставлен при Урзицине как один из самых молодых,

а, следовательно, наименее опытных офицеров, поэтому он не мог обладать какими-то специфическими знаниями, что исключает выполнение им при Урзicine особых поручений.

Таким образом, штабная деятельность наложила особый отпечаток на характер материала, собранного Аммианом.

Итак, был ли Аммиан кадровым военным, или же его знакомство с армейской средой было кратковременным и поверхностным? Ответ на этот вопрос для нас очевиден: Аммиан был потомственным военным и провел на службе около 10 лет. В тексте *Res Gestae* присутствуют многочисленные личные свидетельства Аммиана, оказавшегося по воле случая в эпицентре исторических событий. Он знает точные титулы офицеров и военачальников, приводит весьма ценные детали, касающиеся отдельных воинских частей. Война для него – это живая и повседневная реальность, офицеры – товарищи по оружию, и он часто называет имена тех из них, кто отличился в сражении или пал в бою⁵⁵. Аммиан никогда не стремится подробно рассказать об иерархии воинских званий или структуре подразделений: для него, в отличие от нас, подобные детали представлялись очевидными и не заслуживающими особого внимания. Вместе с тем, деятельность будущего историка носила, как правило, штабной характер. Поэтому он мог быть некомпетентным во многих вопросах, непосредственно связанных со строевой службой. Этим, в частности, можно объяснить его весьма туманное описание метательных машин, которое он, к тому же, мог позаимствовать из других источников. Так, например, вполне вероятно, что описанная им «гелепола» – не более, чем теоретическая разработка, заимствованная из недошедшего до нас трактата императора Юлиана, посвященного военной механике⁵⁶.

Относительно терминологической неточности, в которой так часто упрекают Аммиана, заметим, что вряд ли есть смысл вменять этот недостаток в вину нашему автору. Не только Аммиан, но и другие современные ему историки охотно использовали термины и выражения, ставшие уже архаизмами, но считавшиеся более уместными для использования их в литературной речи⁵⁷.

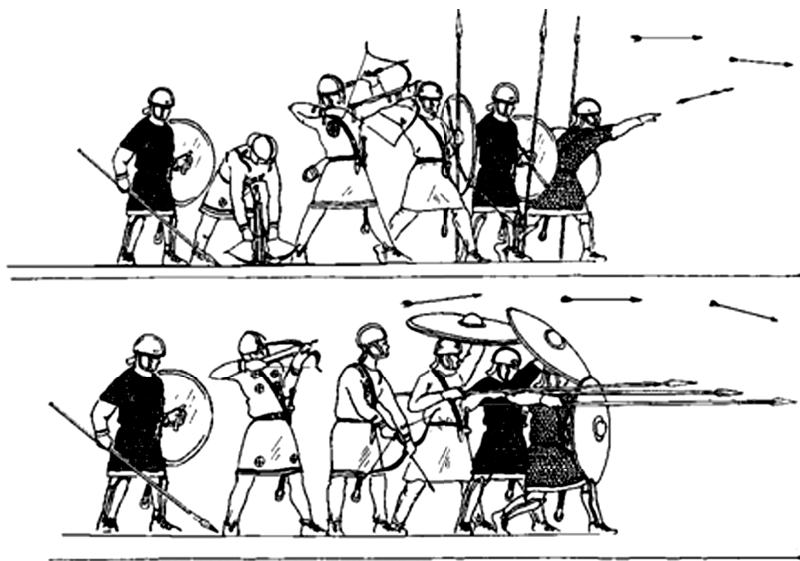
Эту особенность позднеантичной военной терминологии отмечал уже В. И. Холмогоров: «Те приемы исторического исследования, которые приводили к таким плодотворным результатам в отношении армии ранней империи, когда термины “легион”, “когорта”, “ала” являлись понятиями вполне определенными и неизменными, приводят к сомнительным выводам и часто несомненным натяжкам, когда эти приемы с той же последовательностью применяются и к армии IV в.»⁵⁸. «Неточность» в вопросе военной терминологии была присуща не только Аммиану, но и другим позднеантичным авторам. Характерно, что даже Юлиан не считает нужным проводить какую-либо классификацию между подразделениями различного типа и предпочитает называть их аритмами (ἀριθμοί)».

Возможно, в некоторых случаях Аммиан, старавшийся придерживаться образцов классической латыни, нарочито избегал употребления каких-то современных ему технических терминов и умышленно прибегал к архаизмам⁵⁹.

Изменения в римской военной организации, произошедшие в III – начале IV в. способствовали тому, что, сохраняясь, старая, привычная терминология

наполнялась новым смыслом. Это касается не только названий различных подразделений, входивших в состав армии, но и менее специальных терминов. В эпоху республики и Ранней империи термин *armatus* означал того, у кого есть оружие, в противовес тем, кто оружия не имеет или чье оружие не носит специфически военного характера⁶⁰. Вместе с прилагательными термин также мог означать различные категории войск во время военного похода⁶¹, однако он не содержал в себе указания на качество вооружения, которым располагал солдат.

В эпоху Поздней империи только первые ряды боевого порядка, состоявшие из офицеров, унтер-офицеров и отборных солдат, обладали полным комплектом тяжелого вооружения (Amm. XVI, 12, 20; Veg., II, 2; 15). Наличие тяжелого вооружения только у бойцов первых рядов, привело к тому, что слово *armatus* стало уже не просто метонимией для обозначения солдата, но и вполне конкретным термином, указывающим на категорию войск. Возможно, перемена значения этого слова произошла под влиянием греческого *ὀπλίτης*, широко использовавшегося в позднюю эпоху для обозначения тяжеловооруженных пехотинцев⁶².

Боевое построение римской армии во времена Аммиана Марцеллина.

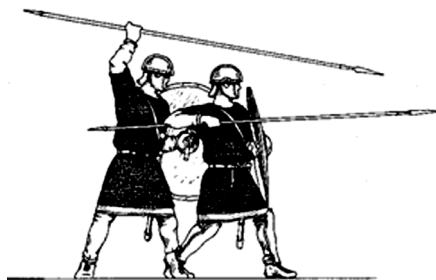
Рис. И. В. Курсанова

Согласно Аммиану, арматы образовывали императорский эскорт — *cohortes armatae* (Amm., XX, 5, 1; XXIV, 4, 18; XXV, 1, 16). Историк использует в данном случае слово *armatae* в качестве прилагательного, однако, как справедливо замечает С. Жаньяр, он делает это исключительно для того, чтобы указать на особое вооружение войск, иначе было бы трудно понять, для чего потребовалось таким образом обозначать когорты, которые изначально являлись военными подразделениями, особо выделяя их среди остальных отрядов армии⁶³. Арматы участвовали в триумфальном въезде Констанция II в Рим (357 г.). Их вооружение

было достаточно точно описано Аммианом: «С той и другой стороны шли две шеренги арматов, вооруженных щитами и в шлемах с султанами..., облаченных в сверкавшие кирасы» (Amm., XVI, 10, 8).

Отмечая все эти терминологические изменения, не будем, вместе с тем, забывать, что Аммиан посвящал *Res Gestae*, прежде всего, своим современникам, в том числе и профессиональным военным. Поэтому он должен был писать на понятном для них языке и использовать те термины, которые не вызвали бы возражения, насмешек или открытой критики. Таким образом нельзя решительно все списать на особенности стиля Аммиана. Ведь терминологическая сбивчивость, или, скорее, то, что мы ею считаем, характерна не только для его «Истории», но и для источников официального характера, таких, как *Notitia Dignitatum*, в которой указывается, что всякий солдат «служит в нумерах» (ND, Or., V, 67; VIII, 54, IX, 49)⁶⁴. Следовательно, нам остается предположить, что неразборчивость Аммиана в отношении терминов порождена не только и не столько его стилистическими приемами, сколько объективными реалиями IV в.

Проверить достоверность сведений Аммиана мы можем, сопоставив их с теми данными, которые приводят другие источники. Одним из них может быть упоминавшаяся уже *Notitia Dignitatum*. В ее VII главе, в той части, где представлен перечень подразделений, находившихся в Галлии в подчинении у магистра кавалерии Галлии (*magister equitum Galliarum*), мы не обнаружим воинских частей, которые, согласно Аммиану, находились здесь во времена Юлиана и Валентиниана I⁶⁵. Можно было бы допустить, что, ко времени составления этой главы, они уже прекратили свое существование. Тем не менее, это не так. Почти все отряды галльской армии, упомянутые Аммианом, присутствуют в *Notitia*, но только в списке воинских частей, размещенных в Италии (*intra Italiam*) (см. табл. 1).

Armati в первом и втором ряду строя при отражении атаки противника.

Рис. II. В. Кирсанова

Таблица 1. Сопоставление данных Аммиана Марцеллина с перечнем VII главы *Notitia Dignitatum*

NOTITIA DIGNITATUM, OC., VII			Подразделения, упоминаемые Аммианом
№ п/п	Название подразделения	Статус подразделения	
3	IOVIANI SENIORES	LEGIO PALATINA	IOVIANI
4	HERCULIANI SENIORES	LEGIO PALATINA	HERCULIANI
5	DIVITENSES SENIORES	LEGIO PALATINA	DIVITENSES
6	TUNGRECANI SENIORES	LEGIO PALATINA	TUNGRICANI IUNIORES
7	PANNONICIANI SENIORES	LEGIO PALATINA	MOESIACI
8	MOESIACI SENIORES	LEGIO PALATINA	MOESIACI

Продолжение табл. 1

NOTITIA DIGNITATUM, OC., VII			Подразделения, упоминаемые Аммианом
№ п/п	Название подразделения	Статус подразделения	
9	CORNUTI SENIORES	LEGIO PALATINA	CORNUTI
10	BRACHIATI SENIORES	AUXILIA PALATINA	BRACHIATI
11	PETULANTES SENIORES	AUXILIA PALATINA	PETULANTES
12	CELTAE SENIORES	AUXILIA PALATINA	CELTAE
13	HERULI SENIORES	AUXILIA PALATINA	HERULI
14	BATAVI SENIORES	AUXILIA PALATINA	BATAVI
15	MATTIACI SENIORES	AUXILIA PALATINA	-----
16	IOVII SENIORES	AUXILIA PALATINA	IOVII
17	VICTORES SENIORES	AUXILIA PALATINA	VICTORES
32	REGII	LEGIO COMITATENSIS	REGII
-----	-----	-----	PRIMANI
-----	-----	-----	ASCARII

Как видно из приведенной таблицы, кроме легионов *Primani*, второго легиона *Moesiaci* и ауксии *Ascarii*, в Италии были дислоцированы подразделения с названиями, аналогичными тем, которые приводит Аммиан. Обратим внимание на то, в какой последовательности представлены эти отряды в *Notitia*: во-первых, почти все они, кроме легиона *Regii*⁶⁶, идут друг за другом; это доказывает, что некогда они образовывали единое целое. Во-вторых, анализ источников свидетельствует, что в IV столетии практически всегда римские подразделения действовали попарно. Это было характерно как для легионов, так и для отрядов *auxilia*⁶⁷; в *Notitia* мы видим те же самые пары отрядов, о которых упоминает Аммиан (Иовианы и Геркулианы, Дивиденсы и Тунгриканы и т. д.). Подобное совпадение не может быть случайным. По-видимому, оба наших источника говорят об одних и тех же воинских частях⁶⁸.

Данный факт отражает высокую степень достоверности сведений, передаваемых Аммианом. Впрочем можно отметить и допущенные им определенные неточности. Как видно из таблицы, все приведенные в ней воинские части, кроме легиона *Regii*, имеют дополнительное наименование *seniores*. У Аммиана подразделения даются, как правило, без подобных эпитетов. Единственный отряд, для которого он делает исключение – Тунгриканы младшие. Этот легион Аммиан упоминает дважды, причем впервые он называет его *Tungricani iuniores* (Amm., XXVI, 6, 12), а второй раз просто *Tungricani* (Amm., XXVII, 1, 2). В *Notitia* легиона Тунгриканы младшие нет. Поэтому приходится признать, что в данном случае Аммиан допускает ошибку. Кроме того, этот пример показывает, что историк не видит большой беды в том, чтобы приводить сокращенное название подразделения без дополнительных определений *seniores* или *iuniores*.

Более запутанной представляется ситуация со вторым легионом Мезиаков. В *Notitia* о нем нет никаких упоминаний. Можно, конечно же, допустить, что

Аммиан имел ввиду легион *Moesiaci iuniores*, который не попал в списки VII главы *Notitia*, поскольку в то время, когда они составлялись, уже прекратил свое существование. Но такому предположению препятствует то обстоятельство, что среди подразделений, составлявших, по нашему мнению, некогда галльскую армию, нет ни одного, которое носило бы дополнительное обозначение *iuniores*, все они – *seniores*. Вместе с тем, нельзя не заметить, что пару с легионом *Moesiaci seniores* в *Notitia* образует легион *Pannoniciani seniores*. Любопытно, что Аммиан упоминает однажды два легиона с похожими названиями: Паннонский (*Pannonica*) и Мезийский (*Moesiaca*) (Amm., XXIX, 6, 13)⁶⁹, стоявшие в 373 г. в Паннонии. Но в *Notitia* легионы с такими названиями не значатся. Отсюда можно сделать вывод, что в действительности Аммиан дал нам искаженные названия подразделений, и на самом деле в его рассказе должны были действовать *Pannoniciani seniores* и *Moesiaci seniores*. Отсюда естественным образом вытекает предположение, что когда Аммиан вскользь говорит о двух отрядах Мезиаков (Amm., XX, 1, 3)⁷⁰, то речь идет все о тех же *Pannoniciani seniores* и *Moesiaci seniores*.

Один из наиболее наглядных примеров, дающих нам возможность оценить, насколько точно Аммиан реконструирует исторические события, это описание отправки цезарем Юлианом галльских войск на восток в декабре 360 г. (Amm., XX, 4, 2–3). Об этом факте, помимо «Истории» Аммиана, сообщается в «Послании сенату и народу афинскому» самого Юлиана и «Новой истории» Зосима. Дополнительные сведения можно почерпнуть из речей Либания, «Церковной истории» Созомена и фрагментов «Истории» Евнапия.

Этот эпизод уже неоднократно служил предметом научной дискуссии, финальная точка в которой не поставлена и по сей день. Основная проблема заключается в том, что описания в трех наших основных источниках заметно разнятся друг с другом. Прежде всего неясно сколько раз Юлиан посылал на восток галльские отряды. Во-вторых, нет определенности в вопросе, касающемся количества западных подразделений, отправленных Констанцию. По мнению некоторых исследователей, в письме Юлиана к афинянам речь идет не об одной посылке войск, а о трех, следовавших друг за другом⁷¹. Вместе с тем, Аммиан определенно говорит только об одной отправке войск, которая в результате так и не состоялась из-за вспыхнувшего бунта солдат. Наконец, Зосим утверждает, что Юлиан дважды посылал Констанцию галльские подкрепления, а когда, наконец, пришел третий приказ с требованием дополнительных контингентов, это привело к военному мятежу.

В соответствии с тем, что утверждает Юлиан, им было передано Констанцию 9 отрядов: 4 отборных подразделения пехоты, 3 менее сильных подразделения и 2 кавалерийские тагмы (Iul., Ad Ath., 280c–d)⁷². Аммиан приводит не только число отправляемых подразделений, но также упоминает названия некоторых из них. В соответствии с его утверждением, Юлиану было предписано отправить, четыре ауксиллии (Эрулов, Батавов, Кельтов и Петулантов), отряды по триста человек, отобранных из других отрядов, а также неизвестное количество солдат из схол Гентиллов и Скутариев (Amm., XX, 4, 2–3)⁷³. По Зосиму, Юлиан отправил в первый раз два пехотных подразделения, вслед за этим еще

некоторое количество пехотных отрядов (*τάγματα*), после чего Констанций потребовал четыре эскадрона кавалерии (Zos., III, 8, 3–4)⁷⁴.

В соответствии с теорией, выдвинутой Д. Хоффманном⁷⁵, сообщения трех источников не противоречат друг другу и вполне могут быть сопоставлены. Д. Хоффманн считает, что два пехотных подразделения вместе с неопределенным числом других пехотных отрядов, об отсылке которых сообщает Зосим, соответствуют первой отправке, упомянутой Юлианом. У Аммиана же это событие попросту не нашло отражения. Четыре илы кавалерии у Зосима, соотносятся со второй (несостоявшейся) отправкой войск у Юлиана и тем детальным рассказом, который оставил нам Аммиан.

Развивая эту гипотезу, Й. Сзидат, отождествляет две первые отправки у Зосима с теми событиями, о которых Аммиан упоминает вскользь, как о предшествовавших мятежу 360 г. По мнению исследователя, сообщение о 2-х турмах иллирийских всадников (Амм., XVIII, 8, 2)⁷⁶, оказавшихся на востоке во время войны с персами (359 г.) – прямое доказательство того, что ранее Юлиан уже отправлял войска Констанцию. Подтверждение своей теории Й. Сзидат находит в утверждении Аммиана (Амм., XXI, 5, 6), которому вторит Созомен (Soz., V, 1, 3), что Иллирия в 360 г. оставалась без каких-либо значительных воинских сил⁷⁷.

Какой бы привлекательной не казалась идея примирить сообщение трех наших источников, безоговорочно сделать этого нельзя. Д. Хоффманн отождествляет четыре кавалерийских подразделения, о которых сообщает Зосим, с Кельтами, Петулантами, Эрулами и Батавами Аммиана. Однако, как вполне справедливо заметил Ф. Пашу⁷⁸, в соответствии с данными *Notitia Dignitatum*, из этих четырех отрядов гипотетически кавалерийскими могли быть только Батавы⁷⁹. Остальные три подразделения, несомненно, были пехотными ауксилиями. Но даже версия с Батавами не выдерживает критики, поскольку анализ текста Аммиана показывает, что они тоже были пехотинцами⁸⁰.

Аргументация Й. Сзидата также представляется неубедительной, уже хотя бы потому, что Иллирик не входил в состав Галльской префектуры, войсками которой командовал Юлиан. Более того, на момент начала войны с Персией Констанций сам со всей своей армией находился в Иллирике, где вел войну с сарматами, следовательно, он мог распоряжаться военными силами этого региона без обращения за помощью к Юлиану.

По мнению Ф. Пашу, объединить сообщения всех трех источников невозможно. Зосим старается оправдать Юлиана, убеждая своих читателей, что тот не был виновен в государственном перевороте. Для этого он показывает, что Юлиан всегда скрупулезно выполнял требования императора и дважды посылал ему воинские контингенты, когда на востоке шла изнурительная война с персами (Zos., III, 8, 3–4). Умышленно сгущая краски, Зосим утверждает, что третий приказ об отправке войск пришел в тот самый момент, когда с персами якобы уже был заключен мир. Это стало причиной распространения в галльской армии слуха, что Констанций нарочно забирает у Юлиана лучшие войска с тем, чтобы погубить его, что вызвало открытое выступление солдат, провозгласивших Юлиана августом⁸¹. Если все описание Зосима носит явно

тенденциозный характер, то как соотносятся друг с другом рассказы Юлиана и Аммиана?

Выше отмечалось, что, согласно Аммиану, помимо четырех ауксилиий Юлиан должен был отослать императору по триста человек отобранных из других подразделений. Данную фразу можно трактовать двояко в зависимости от того, как мы будем понимать выражение *ex numeris aliis* (из других отрядов). В соответствии с версией, предложенной комментаторами *Res Gestae*, под другими *numeri* подразумеваются все воинские части галльской армии, исключая Эрулов, Батавов, Кельтов и Петулантов⁸². Со своей стороны Й. Сзидат полагает, что *numeri alii* – это вообще все отряды армии Юлиана, не являвшиеся ауксалиями⁸³. Согласно первой точке зрения, Юлиан посылал на восток четыре ауксалии в полном составе, а из всех остальных подразделений (ауксалий, легионов и кавалерийских отрядов) отбирал по триста человек⁸⁴. Вторая гипотеза предполагает, что в дополнение к четырем ауксалиям Юлиан посылал по 300 человек только из легионов и кавалерийских отрядов.

Й. Сзидат аргументирует свою позицию тем, что в тексте пассажа слово *auxiliariis* (ауксалиариев) со всей очевидностью противопоставлено слову *trecentenis* (по триста)⁸⁵. Тот факт, что Аммиан употребляет слово *auxiliarius*, обозначающее воина ауксалии, а не *auxilia* (тип подразделения), позволяет сделать вывод, что среди тех солдат, кто вошел в состав отрядов по 300 человек, ауксалиариев не было.

Однако авторы комментариев полагают, что данный довод не может считаться надежным доказательством. По их мнению, по смыслу разграничены не столько *auxiliariis* и *trecentenis*, сколько оба слова, взятые вместе, противопоставлены выражению *de Scutariis autem et Gentilibus*⁸⁶.

Возражая подобной трактовке, заметим, что Аммиан, как нам представляется, обособляет Скутарию и Гентилу вовсе не потому, что противопоставляет их ауксалиариям и отрядам по 300 солдат, а лишь по той причине, что это были гвардейские кавалерийские школы, составлявшие почетный конвой Юлиана. Слова же *auxiliariis* и *trecentenis*, взятые вместе, противопоставлены не выражению *de Scutariis autem et Gentilibus*, а содержанию второй части приказа Констанция, требующей, чтобы только Лупицин отправился на восток вместе с отобранными контингентами⁸⁷.

Отстаивая свою позицию авторы комментариев, утверждают, что в данном случае предлог *super* стоит рассматривать как синоним *de* (из)⁸⁸, как это было почти повсеместно в эпоху поздней античности⁸⁹. Если же мы примем версию Ч. Форнары⁹⁰, полагающего, что Аммиан, умышленно архаизируя свой текст, часто использует речевые обороты, присущие классическим латинским авторам (Ливию, Саллюстия, Тациту), то можно допустить, что *super* в сочетании с аблативом имеет у него классическое значение «сверх, кроме, помимо».

Выше мы уже уделили внимание вопросу, касающемуся использования Аммианом различных военных терминов, и, в частности, отметили, что ауксалиарии были в глазах историка солдатами-варварами. Нам представляется несомненным, что слова *auxiliariis* и *trecenteniis* вполне определенно противопоставлены по смыслу. Таким образом, Аммиан разделяет солдат, которые

в его глазах были варварами, и тех, кого историк считал римлянами⁹¹. Упомянутые другие нумеры (*numeri alii*), Аммиан имеет ввиду подразделения, солдаты которых были неварварами, Теоретически, к ним можно было бы отнести легионы и римские отряды всадников. В действительности конницу мы должны исключить из этого списка: численность эскадронов, которые могли входить в состав армии Юлиана, варьировалась от 300 до 500 бойцов⁹², поэтому вряд ли из них можно было выделить по 300 человек для отправки на другой фронт. Это наглядно демонстрирует, что нумеры, упоминаемые Аммианом, были исключительно пехотными подразделениями, т. е. легионами.

Следующий вопрос, разрешение которого, по нашему мнению, имеет важное значение для понимания исследуемого фрагмента текста, касается состава армии Юлиана на момент провозглашения его августом. У Аммиана, описывающего военные действия в Галлии в период командования Юлиана, встречается десять названий подразделений пехоты, из них 6 отрядов, которые мы можем, опираясь на данные самого Аммиана, а также *Notitia Dignitatum*, идентифицировать как *auxilia* (Кельты и Петуланты, Эрулы и Батавы, Корнуты и Бракхиаты (Amm., XX, 4, 2; 5, 9; XXI, 3, 2; XVI, 12, 45; XX, 1, 3; 4, 2; XV, 5, 30; XVI, 12, 43; 11, 9); 3 подразделения мы можем считать легионами: Приманы (Amm., XVI, 12, 49) и два отряда (*numeri*) Мезиаков (Amm., XX, 1, 3), о которых уже говорилось выше.

Труднее определить, какой статус имели Регии. К. Цукерман полагает, что Регии, участвовавшие в битве при Аргенторате, – это ауксилия *Regii Emesensi Iudaei*, которая была сформирована правителем Эмессы для защиты от персов. После поражения Пальмирского царства, в состав которого входила и Эмесса, Регии стали частью армии Аврелиана⁹³. Ле Бозк, со своей стороны, считает, что этот отряд был сформирован в 306 г. из подданных аламаннского царя Крока, поддерживавшего императора Константина⁹⁴.

Вместе с тем, по данным *Notitia Dignitatum*, в западной половине империи подразделение с названием Регии имело статус легиона, а ауксилия Регии находилась на востоке. В связи с этим нам представляется, что Регии, участвовавшие в бою под Аргенторатом, в действительности были легионом, однако этот легион входил в состав гарнизона Италии и был переброшен в Галлию лишь на некоторое время для усиления армии Юлиана, а затем вновь уведен на место своей постоянной дислокации. В качестве доказательства этой гипотезы можно вспомнить, что, согласно планам римского командования, удар по аламаннам в 357 г. должны были произвести не только галльские войска, но также и армия, шедшая из Италии под командованием магистра кавалерии Барбациона. Аммиан пишет, что Барбацион, потеряв в столкновении с аламаннами большую часть обоза, предпочел отойти на зимние квартиры. Это не мешает, однако, предположить, что Регии были отправлены Юлиану в качестве подкрепления. То, что Регии не входили на постоянной основе в состав галльской армии, подтверждается также и данными *Notitia Dignitatum*: в приведенной выше таблице видно, что этот легион находится далеко в стороне от перечня других галльских отрядов.

Таким образом, в соответствии с точкой зрения К. Цукермана, в армии Юлиана было 3 легиона и 7 ауксильев. Мы предполагаем, что в 357 г. у Юлиана было

6 ауксилиев и 4 легиона, один из которых впоследствии был возвращен в Италию на место своей постоянной дислокации. Но в том и другом случае получаем, что, когда в 360 г. пришел приказ об отправке войск на восток, в галльской армии было три легиона (Приманы, Паннонский и Мезийский). Именно из них и были отобраны по триста человек. Кроме того, как отмечалось, из двух схол, Скутариев и Гентилов, надлежало послать определенное количество отборных солдат, образовавших два небольших эскадрона.

Сделанные нами наблюдения позволяют утверждать, что рассказы Аммиана и Юлиана об отправке войск практически идентичны друг другу: 4 сильнейших отряда пехоты («τέτταρες ἀριθμούς τῶν κρατίστων πεζῶν»), о которых сообщает Юлиан, соответствуют 4-м аукселиям Аммиана (*Aeruli et Batavi cumque Petulantibus Celtae*); 3 более слабых отряда у Юлиана («τρεῖς ἄλλους τῶν ἐλλαστόνων») это отряды по 300 солдат (*ex numeris alii trecenteni*), набранные из 3-х легионов; наконец, две тагмы всадников («ἰππέων τάγματα δύο») – 2 кавалерийских отряда, сформированные из схол Скутарией и Гентилов (*de Scutariis autem et Gentilibus*).

Бесспорно, образованный и воспитанный на образцах классической литературы грек очень часто одерживал в Аммиане верх над холодным рационализмом римского офицера. Сам Аммиан видел главную задачу историка не только в том, чтобы правдиво изложить произошедшие события, но и в том, чтобы это было сделано подобающим языком и в надлежащей манере. Именно поэтому он призывает своих возможных продолжателей «дать своей речи более высокий полет» (Amm., XXXI, 16, 9)⁹⁵. Вместе с тем, многолетний опыт военной службы и непосредственное участие в военных действиях – вполне надежное доказательство того, что Аммиан не был дилетантом в военном деле и сведения, сообщаемые им, могут считаться достоверными и надежными⁹⁶. В тех случаях, когда Аммиан не имел возможности составить описание по собственным воспоминаниям или сделанным ранее записям, он использовал только тщательно проверенные источники. Но не следует забывать, что будущий историк был штабным офицером. Его представление и знания о войне должны были заметно отличаться от тех, которыми обладал полевой офицер. Для Аммиана важна прежде всего «армейская кухня», функционирование внутренних пружин военной машины. Отсюда его интерес к организационным изменениям в армиях, вопросам снабжения и логистики.

Не нужно требовать от Аммиана детальных описаний элементов вооружения, построений армий, тактических приемов и сражений, свидетелем которых он не был. Позднеримская военная система была настолько сложным и многогранным организмом, что слово *miles* (воин), которым называет себя Аммиан, могло обозначать не только участника прямых столкновений с противником, но и человека, связанного с армией, обладавшего узко-специальными знаниями и не принимавшего непосредственного участия в боях.

Принципиально важным представляется то обстоятельство, что в тех случаях, когда мы можем проверить сообщаемую Аммианом информацию, сравнивая его текст с данными других источников, подобный контроль чаще всего подтверждает точность и правдивость сведений Аммиана Марцеллина, что

позволяет нам с полным основанием считать его одним из лучших исторических источников по второй половине IV в., особенно когда речь идет о римской армии или военной системе в целом⁹⁷.

¹ *Le Bohec Y.* L'armée Romaine sous le Bas-Empire. – Paris, 2006. – P. 11.

² Там же. – P. 124.

³ *Кареев Д. В.* Позднеримская историография перед вызовом времени: Евтропий и его «Бревиарий от основания Города». – СПб, 2004. – С. 7.

⁴ «Miles quondam Graecus».

⁵ «...Adulscientes eum sequi iubemur».

⁶ *Seyfarth W.* Einführung // Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte. – Darmstadt, 1968. – S. 1.

⁷ «...Iam superarer ut insuetus ingenuus» («когда я уже изнемогал, как непривычный к этому человек благородного звания» (пер. А. И. Сонни и Ю. А. Кулаковского).

⁸ «Tribunis et protectoribus domesticis decem, ut postularat, ad iuvandas necessitates publicas ei coniunctis. inter quos ego quoque eram cum Veriniano collega» («По его требованию ему была дана свита из десяти трибунов и протекторов-домеситков для исполнения поручения по государственному делу. Среди них был и я с моим товарищем Веренианом» (пер. А. И. Сонни и Ю. А. Кулаковского).

⁹ *Trombley F.* Ammianus Marcellinus on fourth-century warfare: a protector's approach to historical narrative // Late Roman World and Its Historian: Interpreting Ammianus Marcellinus. – London; New-York, 1999. – P. 17–18.

¹⁰ *Thompson E. A.* The Historical Work of Ammianus Marcellinus. – London, 1947. – P. 2.

¹¹ *Лукомской Л. Ю.* Аммиан Марцеллин и его время. Вступ. статья // Аммиан Марцеллин. – Римская история. – СПб., 1994. – С. 5.

¹² Там же. – С. 19.

¹³ *Соколов В. С.* Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии // ВДИ. – 1959. – № 4. – С. 45; *Удальцова З. В.* Мировоззрение Аммиана Марцеллина // ВВ. – 1968. – Т. 28. – С. 39.

¹⁴ *Wilfflin E.* Stilistische Nachahmer des Tacitus // Philologus. – 1870. – 19. – P. 557–560; *Witz H.* Ammianus Beziehungen zu seinen Vorbildern Cicero, Sallustius, Livius, Tacitus // Philologus. – 1877. – 35. – P. 627–636.

¹⁵ *Wilshire L. E.* Did Ammianus Marcellinus Write a Continuation of Tacitus? // The Classical Journal. – 1973. – Vol. 68 (3). – P. 222.

¹⁶ *Fletcher G. B. A.* Stylistic borrowings and parallels in Ammianus Marcellinus // Revue de philologie de litterature et d'histoire anciennes. – 1937. – P. 378–395.

¹⁷ *Wilshire L. E.* Op. cit. – P. 221.

¹⁸ Ibid. – P. 222.

¹⁹ Он, например, с почтением отзываясь о сенаторах Претекстате и Симмахе (Amm., XXII, 7, 6; XXVII, 3, 3; XXVII, 9, 8).

²⁰ *Wilshire L. E.* Op. cit. – P. 224; *Удальцова З. В.* Мировоззрение Аммиана Марцеллина // ВВ. – 1968. – Т. 28. – С. 47.

²¹ *Соколов В. С.* Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии // ВДИ. – 1959. – № 4. – С. 49.

²² *Wilshire L. E.* Op. cit. – P. 225.

²³ *Fornara C. W.* Studies in Ammianus Marcellinus: II: Ammianus' Knowledge and Use of Greek and Latin Literature // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. – 1992. – 41 (4). – P. 433 et sq.

²⁴ *Crumph G. A.* Ammianus Marcellinus and the Late Roman Army // Historia. – 1973. – 22. – P. 102–103.

²⁵ *Соколов В. С.* Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии // ВДИ. – 1959. – № 4. – С. 42: «...Его повествование уподобляется запискам современника или мемуарам, что и отражается на самом характере «Истории». Это обстоятельство понижает и объективность произведений Аммиана, поскольку в этом случае неизбежен односторонний отбор фактов и их освещение».

²⁶ Ермолова И. Е. Отношение Аммиана Марцеллина к труду историка: теория и практика // ВДИ. – 2008. – № 4. – С. 135.

²⁷ «...Antiquitates replicando conplures invenire non potui».

²⁸ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. – В 4 т. – Т. 2. – СПб, 1994. – С. 191.

²⁹ Ермолова И. Е. Указ. соч. – С. 135; 137, примеч. 30.

³⁰ Там же. – С. 137.

³¹ Liebeschuetz J. H. W. G. Pagan historiography and the decline of the Empire // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: Forth to Sixth Century A.D. – Leiden, 2003. – P. 188.

³² Ibid. – P. 187-188.

³³ Ibid. – P. 184-185.

³⁴ Ibid. – P. 188.

³⁵ Ibid.

³⁶ Müller A. Militaria aus Ammianus Marcellinus // Philologus. – 1905. – 64. – S. 573 et sq.

³⁷ Sabbah G. L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I. Les sources littéraires // L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I. Actes du Congrès de Lyon (12–14 septembre 2002). – Lyon, 2004. – P. 38.

³⁸ O'Brien P. Ammianus Epicus: Virgilian Allusion in the «Res Gestae» // Phoenix. – 2006. – 60 (3/4). – P. 275, note 3.

³⁹ Наиболее странное из всех — описание гелепопы, или подвижной башни. «Сооружают ее таким образом, — пишет Аммиан, — Сбивают огромный штурмовой щит из толстых досок, скрепленных длинными железными гвоздями; покрывают его воловьими кожами и плетеньем из свежесрубленной лозы и обкладывают сверху мокрой глиной, чтобы обезопасить от брандеров и метательных снарядов. С передней стороны насаживают отточенные тройные острия, примерно такие, какими живописцы рисуют или скульпторы высекают изображение молнии. Острия эти выковываются из железа, они очень массивны и сокрушают все, на что натолкнутся. Это мощное сооружение ставится на колеса, и солдаты, разместившись внутри в значительном числе, направляют его движение канатами. Напрягая все силы, они придвигают его к более слабым частям стен, и, если защитники не в состоянии дать отпор, то эта машина сокрушает стены и открывает широкие проломы» (Amm., XXIII, 4, 8–9; пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). Подобное сооружение не описано ни в одном другом источнике и вряд ли когда-либо существовало в действительности. Характерно, что, рассказывая об осаде персидской крепости Пирисабора, Аммиан вновь говорит о постройке гелепопы (Amm., XXIV, 2, 18; 19). Однако на этот раз из текста абсолютно ясно, что речь идет именно о подвижной башне в ее классическом варианте. У любого исследователя сразу же может возникнуть вопрос: мог ли профессиональный военный, каковым позиционирует себя Аммиан, таким образом представить конструкцию машины, которая использовалась уже в период войн диадохов?

⁴⁰ Рейнс Ф. Боевые слоны в военном деле поздней античности // Para bellum. Военно-исторический журнал. – 2008. – № 29. – С. 6.

⁴¹ Там же. – С. 17.

⁴² Там же. – С. 15-16.

⁴³ Рейнс Ф. Боевые слоны в военном деле поздней античности // Para bellum. Военно-исторический журнал. – 2008. – № 30. – С. 49.

⁴⁴ Iovii: ND, Or., XXXIX. 21; Oc., V, 23=168=VII, 16; V, 36=184=VII, 42; Oc., V, 64=212=VII, 76; Victores: ND, Or., XXXIX. 21; Oc., V, 22=63; 18; Oc., VII, 17, V, 37=185=VII, 126).

⁴⁵ Amm., XXVI, 5, 3: «militaris partiti numeri»; XXVII, 10, 6: «cum Illyriis et Italicis numeris».

⁴⁶ Amm., XXIV, 4, 23: «Exsuperius de Victorum numero miles»; XXV, 10, 9: «Erulorum e numero miles...» XXVII, 8, 7: «Cum consecuti Batavi venissent et Heruli Ioviique et Victores, fidentes viribus numeri...».

⁴⁷ «Tertiatorum equestris numerus».

⁴⁸ «...Concitate equitum peditumque turmae».

⁴⁹ «...Auxiliarii milites semper munia spernentes huius modi».

⁵⁰ Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа и римская армия IV века н. э. // Архив СПб ИИ РАН. – Русская секция. – Ф. 276. – Оп. 2. – Ед. хр. 49 (отдельная нумерация). – С. 111. Роль корпусов domestikов и протекторов в позднеримской армии исследователь сопоставил с ролью некоторых полков русской гвардии XVIII в., в частности кавалергардов, которые

первоначально были небольшим корпусом, охранявшим императора. Значение корпусов доместики и протекторов для армии В. И. Холмогоров оценил чрезвычайно высоко: «Таким образом, *domestici* и *protectores*, различаясь между собою только несколько более аристократическим составом первых, являлись лучшей, отборнейшей частью всей римской армии IV–V вв.; они составляли личную охрану императора, сопровождали его в походах, несли караулы во дворце, выполняли ответственные поручения и играли роль ассадника надежных командирских кадров для частей полевой армии... Доместики и протекторы, несомненно, составляли “офицерский корпус”, вместе с тем они не только были частью армии, но даже ее наилучшей, надежнейшей частью, на которую была возложена ответственная задача – охрана носителя верховной власти в империи». В VI в. доместики-протекторы утратили свое значение и превратились в церемониальные дворцовые войска, совершенно не связанные с армией. О том, что они представляли, сообщает Прокопий Кесарийский: «Есть во дворце и другие, пользующиеся многим большим почетом лица, поскольку казна обычно выделяет им большее жалование на том основании, что и они платят больше за получение своего военного звания. Их называют доместиками и протикторами, и они издревле были не искусны в военных делах. Ибо они зачислялись в дворцовое войско единственно ради звания и внешнего блеска» (Procop., HA, XXIV, 24–25; пер. А. А. Чекаловой).

⁵¹ Austin N. J. E. Ammianus on Warfare: An Investigation into Ammianus's Military Knowledge. – Bruxelles, 1979. – P. 12–17.

⁵² Ibid. – P. 13–14.

⁵³ Ibid. – P. 14.

⁵⁴ Ibid. – P. 14.

⁵⁵ Vogler Ch. Les officiers de l'armée romaine dans l'oeuvre d'Ammien Marcellin // La hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romaine sous le Haut Empire. Actes du Congrès de Lyon (15–18 septembre 1994). – Paris, 1995. – P. 389.

⁵⁶ О том, что Юлиан написал трактат о военных машинах, сообщает Иоанн Лидиец (Ioh. Lyd., De magistrat., I, 47).

⁵⁷ Le Bohec Y. Op. cit. – P. 67.

⁵⁸ Холмогоров В. И. Диоклетиано-константиновская военная реформа и римская армия IV века н. э. // Архив СПб ИИ РАН. – Русская секция. – Ф. 276. – Оп. 2. – Ед. хр. 49 (отдельная нумерация). – С. 38 и послед.

⁵⁹ Le Bohec Y. Op. cit. – P. 12.

⁶⁰ «...Armatos si latine loqui volumus, quos appellare vere possumus? Opinor eos qui scutis telisque parati ornatique sunt» (Cicero, Cecina, 60).

⁶¹ Janniard S. Armati, scutati et la categorisation des troupes dans l'Antiquité tardive // L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I. Actes du Congrès de Lyon (12–14 septembre 2002). – Lyon, 2004. – P. 390.

⁶² Ibid. – P. 392.

⁶³ Ibid. – P. 391.

⁶⁴ «In numeris militat».

⁶⁵ За исключением *Brachiati iuniores* и *Batavi iuniores*, которые имеют, как кажется, непосредственную связь с теми отрядами, о которых говорил Аммиан Марцеллин.

⁶⁶ Относительно этого легиона см. ниже.

⁶⁷ Нам известно о существовании следующих пар легионов: Паннонский и Мезийский (Amm., XXIX, 6, 13) Дивиденсы и Тунгриканы Младшие (Amm., XXVI, 6, 12; XXVII, 1, 2), Ландиарии и Маттиарии (Amm., XXXI, 18, 8); Иовианы и Геркулианы (Amm., XXII, 3, 2; XXV, 6, 2). Ауксилии образовывали такие пары: Супервенторы и Превенторы (Amm., XVIII, 9, 3; ND, Or., XXXIX, 21; Ос., XXXVII, 18; Or., XL, 19). Эрулы и Батавы (Amm., XVI, 12, 45; XX, 1, 3; 4, 2; XXVII, 1, 2–6) Кельты и Петуланты (Amm., XX, 4, 2; 5, 9; XXI, 3, 2; XXII, 12, 6; XXXI, 10, 4), Корнуты и Бракхиаты (Amm., XV, 5, 30; XVI, 12, 43; 11, 9), Иовии и Викторы (Amm., XXV, 6, 3; XXVI, 7, 13; XXVII, 8, 7). Подобные пары отрядов были весьма устойчивыми образованиями. Так, например, Супервенторы и Превенторы действовали совместно с момента своего образования (ок. 350 г.) (Amm., XVIII, 9) до гибели в 359 г. во время захвата персами Амиды; Кельты и Петуланты сражались в Галлии под командованием Юлиана (360 г.) (Amm., XX, 4, 2), а в начале 378 г. отразили нападение лентиев (Amm., XXXI, 10, 4).

⁶⁸ О том когда и по каким причинам галльские отряды могли быть переведены в Италию см.: Банников А. В. Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия). – СПб, 2011. – С. 240–241.

⁶⁹ «Legiones motae sunt duae, Pannonica et Moesiaca».

⁷⁰ «Numerisque Moesiacorum duobus».

⁷¹ Paschoud F. Notes // Zosime. Histoire nouvelle. – En 3 t. – T. II – Paris, 1979. – P. 84.

⁷² «ἐπεμψα τῷ Κωνσταντῷ τέτταρες ἀριθμούς τῶν κρατίστων πέζων, τρεῖς ἄλλους τῶν ἐλλαττόνων ἱππέων τάγματα δύο τὰ ἐντιμώτατα».

⁷³ «...Decentium tribunum et notarium misit auxiliares milites exinde protinus abstracturum Aerulos et Batavos cumque Petulantibus Celtas et lectos ex numeris aliis trecentenos, hac specie iussos adcelera-re, ut adesse possint armis primo vere movendis in Parthos. Et super auxiliariis quidem et trecentenis cogendis ocus proficisci Lupicinus conventus est solus, transisse ad Britannias nondum conpertus, de Scutariis autem et Gentilibus excerpere quemque promptissimum et ipseperducere Sintula iubetur Caesaris stabuli tunc tribunus».

⁷⁴ «...τάγματα δυο τῶν ἐν Κελτοῖς στρατιωτῶν ἐκπεμψήναι κελεύει... δὲ καὶ ἕτερα τάγματα στρατιωτικὰ πεμψήναι οἱ παρὰ τοῦ Καίσαρος ἤ τει· καὶ τυχὼν τῆς αἰτήσεως ἄλλας μετ' οὐ ποὺ τέσσαρος ἴλας ὡς αὐτὸν ἐκέλευεν ἐκπεμψήναι...».

⁷⁵ Цит. по: Paschoud F. Op. cit. – P. 84.

⁷⁶ «Namque duarum turmarum equites circiter septingenti ad subsidium Mesopotamiae recens ex Illyrico missi».

⁷⁷ Paschoud F. Op. cit. – P. 84.

⁷⁸ Ibid. – P. 84–85.

⁷⁹ *Batuai seniores (vexillatio Palatina in Gallia)*: Ос., VI, 5 = 47=VII, 167; *iuniores* (id.): Ос. VI, 9=51=VII, 169.

⁸⁰ Это можно наглядно продемонстрировать всего лишь на одном примере: в битве при Аргенто-рате вся римская кавалерия была сосредоточена на правом фланге. Когда она бросилась бежать, натиск германцев встретила пехота, среди подразделений которой Аммиан называет Корнутов и Бракхиагов, Региев и Батавов (Amm., XVI, 12, 44–45).

⁸¹ Paschoud F. Op. cit. – P. 84–85.

⁸² *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus*. – T. XX – Groningen, 1987. – P. 58.

⁸³ Ibid.

⁸⁴ Банников А. В. Численность подразделений позднеримской армии (часть 2) // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 2. – 2010. – Вып. 4. – С. 113.

⁸⁵ «Et super auxiliariis quidem et trecentenis cogendis» («Помимо ауксилиариев, а также отрядов по триста человек»).

⁸⁶ *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus*. – T. XX – Groningen, 1987. – P. 59: «Et super auxiliariis quidem et trecentenis cogendis ... de Scutariis autem et Gentilibus» («Помимо ауксилиариев, и отрядов по триста человек ...из Скутариев же и Гентиллов»).

⁸⁷ «Et super auxiliariis quidem et trecentenis cogendis ocus proficisci Lupicinus conventus est solus» («Помимо ауксилиариев, а также отрядов по триста человек, было приказано, чтобы только Лу-пицин получил приказ спешно выступить в путь»).

⁸⁸ «Из ауксилиариев и отрядов по триста...; из Гентиллов же и Скутариев...».

⁸⁹ *Sprachlicher und historischer Kommentar zu Ammianus Marcellinus XVI*. – Groningen, 1972. – S. 40.

⁹⁰ Fornara C. W. Op. cit. – P. 438.

⁹¹ Подобное противопоставление характерно не только для Аммиана, но и для других поздне-античных авторов. Оно, например, отчетливо прослеживается у Зосима, который, говоря о подразделениях римской армии, отмечает, что существовали *τάγματα Ῥωμαίων* – отряды римлян, т. е., очевидно, легионов и *τάγματα βαρβάρων* – отряды варваров, т. е. ауксилиев (Zos., IV, 7, 1).

⁹² Банников А. В. Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия). – СПб, 2011. – С. 142–145.

⁹³ Zuckerman C. Les «Barbares» romains: au sujet de l'origines des auxilia tetrarchiques // *L'armée romaine et les barbares du III au VI siècle. Mémoires publiés par l'Association française d'Archéologie Mérovingienne* – 1993. – 5 – P. 19.

⁹⁴ *Le Bohec Y.* Op. cit. – P. 61.

⁹⁵ «...Quos id, si libuerit, adgressuros, procudere linguas ad maiores moneo stilos».

⁹⁶ Crump G. A. Op. cit. – P. 102–103.

⁹⁷ Sabbah G. Op. cit. – P. 38; Ермолова И. Е. Указ. соч. – С. 134; Соколов В. С. Указ. соч. – С. 39.